

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 4, pp. 738–762, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-738-762

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Памяти профессора Санкт-Петербургского государственного университета Владимира Леонидовича Успенского

УДК 94(517)

UDC 94(517)

Вклад Русской духовной миссии в Пекине в историю русского монголоведения

Чжихуэй Ван¹

The Contribution of the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing to the History of Russian Mongolian Studies

Zhihui Wang¹

¹ Школа иностранных языков Нанькайского университета (д. 94, ул. Вэйцзинь, 300071 Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)

аспирант

¹ School of Foreign Studies, Nankai University (94, Weijin Road, 300071 Tianjin, P. R. China)

PhD Student

 0009-0009-8137-9123. E-mail: wzh_19971018[at]163.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Ван Чжихуэй, 2025

© Wang Zhihui, 2025

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья знакомит с научной деятельностью монголоведов из числа членов Русской духовной миссии в Пекине. В своих исследованиях они затрагивали все важные аспекты монголоведения и в некотором смысле сыграли основополагающую роль в истории русского монголоведения. С 1715 г. до 1956 г. Россией были отправлены в Китай двадцать духовных миссий, роль которых многократно изучалась в контексте истории китайско-российских отношений и русского китаеведения. Однако при этом их важное значение для русского монголоведения так и осталось неочевидным. Поэтому цель данной статьи — дать полное представление о монголоведной деятельности российских ученых из членов духовных миссий в Пекине, проанализировать и оценить их вклад в развитие российского монголоведения. Труды монголоведов из членов Русской духовной миссии посвящены истории, религии, литературе, языку и другим аспектам жизни монголов в XVIII–XIX вв. Основными материалами исследования являются опубликованные труды монголоведов Русской духовной миссии, а также труды современных монголоведов. В данной статье, главным образом, использован описательный метод. Результаты. Научный кругозор монголоведов Православной миссии России в Пекине охватывал не только внешние аспекты, но и глубокие вопросы жизни и исторической судьбы монголов.

В записках и дневниках Е. Ф. Тимковского, О. М. Ковалевского и Е. Ковалевского открывалась яркая и детальная картина жизни тогдашних монголов. И. К. Рессохин, А. Л. Леонтьев, С. В. Липовцов, А. Г. Владыкин, Иакинф (Н. Я. Бичурин) и П. И. Каменский изучали монгольскую историю на основе источников на китайском и маньчжурском языках. Буддизм составлял основную проблематику монголоведной деятельности О. М. Ковалевского и В. П. Васильева. Изучение монгольского языка и литературы также достигло ведущего уровня в мире под руководством О. М. Ковалевского. При этом необходимо отдельно выделить «Старинное Монгольское сказание о Чингисхане» архимандрита Палладия (П. И. Кафарова). Это перевод с китайского Юань-чао би-ши («Сокровенного сказания монголов»), главного исторического памятника монголов. Благодаря этому переводу Европа впервые по-настоящему познакомилась с историей древних монголов. *Выходы*. Монголоведная деятельность членов Русской духовной миссии в Пекине имеет длительную историю и богатое содержание. Деятельность этих ученых сыграла исключительно важную роль в развитии монголоведения в России.

Ключевые слова: монголоведение в России, Русская духовная миссия в Пекине, жизнь монголов, история, язык и литература, буддизм, «Сокровенное сказание монголов»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке China Scholarship Council. Статья является промежуточным результатом крупного проекта Государственного фонда общественных наук — «Сквозная история Китая: перевод и исследование» (18ZDA182) (Китай).

Для цитирования: Ван Чжихуэй. Вклад Русской духовной миссии в Пекине в историю русского монголоведения // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 738–762. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-738-762

Abstract. *Introduction.* The present article introduces the scholarly activities of Mongolianists who were members of the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing. In their studies they touched upon all important aspects of Mongolian studies and in a way played the fundamental role in the history of Russian Mongolian studies. From 1715 to 1956, Russia sent twenty Spiritual Missions to China. Their role was extensively studied in the context of the history of Sino-Russian relations and Chinese studies in Russia, but their importance for Russian Mongolian studies has not been clarified. So, the *purpose* of this article is to give a complete picture of the scholarly activities of Russian Mongolianists who were members of the Spiritual Missions in Beijing, and to further analyze and evaluate their contribution to the development of Mongolian studies in Russia. The works of these Mongolianists are numerous in number and diverse in contents: history, religion, literature, language and other aspects of life of the Mongolian people in the 18th–19th centuries. The primary research *materials* consist of the published works of Mongolists from the Russian Spiritual Christian Mission, as well as the works of contemporary Mongolists. This article primarily employs a descriptive *method*. *Results.* The scholarly horizons of the Mongolists from the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing encompassed not only external aspects but also profound questions concerning the life and historical destiny of the Mongols. The notes and diaries of E. F. Timkovsky, O. M. Kovalevsky and E. Kovalevsky present a lively picture of the Mongols of that time. I. K. Rossokhin, A. L. Leontiev, S. V. Lipovtsov, A. G. Vladyskin, Hyacinth (N. Y. Bichurin) and P. I. Kamensky studied Mongolian history on the basis of sources written in the Chinese and the Manchu languages. Buddhism formed a major part of the Mongol studies of O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev. The study of Mongolian language and literature also reached the world leading level under the guidance of O. M. Kovalevsky. It is necessary to single out “Ancient Mongolian Tale of Genghis Khan” by Palladius (P. F. Kafarov).

It is a translation of the famous historical monument of the Mongols Yuan-chao bi-shi. This translation for the first time familiarized the whole Europe with the most profound history of the ancient Mongols. *Conclusions*. The activities of the members of the Russian Spiritual Mission in Beijing in promoting Mongol studies have a long history and are rich in content. Their activities played an important part in the development of the Mongol studies in Russia.

Keywords: Mongolian Studies in Russia, Russian Spiritual Mission in Beijing, Mongolian life, history, language and literature, Buddhism, Secret History of the Mongols

Acknowledgements. The reported study was supported by the China Scholarship Council, project no. 18ZDA182. This article represents an interim outcome of the major project of the National Social Science Fund of China — “A Comprehensive History of China: Translation and Research”.

For citation: Wang Zhihui. The Contribution of the Russian Spiritual Christian Mission in Beijing to the History of Russian Mongolian Studies. *Mongolian Studies (Elisata)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 738–762. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-738-762

1. Введение

Зарождение Русской духовной миссии в Пекине, игравшей важную роль в китайско-российских отношениях в течение двухсот лет, с одной стороны, представляет собой историческую случайность, возникшую в силу стечения различных факторов, а с другой стороны, является необходимым результатом расширения территории России на восток. Русская духовная миссия в Пекине существовала больше двухсот лет. Используя выгодные условия, члены миссии, как монашествующие, так и светские, вели разнообразную деятельность в столице Китая. Эта деятельность не была ограничена религиозной сферой и распространялась также на политическую, торговую-экономическую, научную и культурную области [Новгородская 1993: 9]. В 1727 г. между Россией и империей Цин был заключен Кяхтинский трактат, согласно которому были решены оставшиеся с XVII в. территориальные проблемы между двумя державами, а также утверждены двухсторонние торговые правила [Бантыш-Каменский 1882: 155]. Статья 5-я Кяхтинского трактата имеет важное значение для дальнейшего развития духовной миссии как научно-исследовательского центра России в Пекине. России было разрешено отправлять при каждой миссии вместе со священниками шесть светских учеников с целью изучения языка, истории, культуры и общества восточного соседа [Бантыш-Каменский 1882: 155]. Научная деятельность учеников и священников духовной миссии богата по содержанию и разнообразна по тематике. В частности интерес многих членов духовной миссии привлекали этнические меньшинства, проживавшие в приграничных районах Китая, особенно монголы, которые кочевали на большой территории между двумя странами. Именно через монгольские кочевья русские духовные миссии следовали в Пекин.

Первое столкновение Руси с монголами произошло в XIII в., и после этого Русь оказалась в политической и даннической зависимости от Монгольской империи, которая в русской традиционной историографии называлась «монголо-татарское иго». Однако в XVI в. ситуация полностью изменилась. На пути продвижения к востоку Россия вновь встречалась с монголами, которые к тому

времени уже разделились на три основные части и часто воевали друг с другом. В XVII в. Россия имела с монгольскими этнополитическими объединениями активные посольские отношения, а записки и донесения казаков стали главным источником сведений о монголах [Shasi tina 1955: 2]. Накопленная российскими посланниками информация, охватывавшая темы географического положения, природных ресурсов, религиозных обрядов, отношений между разными этническими группами, была весьма обширной. Эти сведения, несомненно, стали итогом предварительного изучения монголов в России, которое вели в том числе и иностранные академики Императорской Академии наук (далее — ИАН) в XVIII в. При этом среди членов Русской духовной миссии также началась монголоведная деятельность. Миссионеры имели возможность использовать в своих исследованиях источники на китайском, маньчжурском и — самое важное — на монгольском языках. Изучение Монголии членами миссии сначала осуществлялось на основе источников на маньчжурском и китайском языках. Преимущественно переводились современные миссионерам печатные издания, составителями которых были маньчжуры [Yan 2006: 99–100, 121, 126, 128–130].

Труды, переведенные И. К. Россохиным [Россохин 1764], А. Л. Леонтьевым [Леонтьев 1777; Леонтьев 1782], А. Г. Владыкиным [Yan 2006: 127], С. В. Липовцовым [Липовцов 1820; Липовцов 1821а; Липовцов 1821б; Липовцов 1821в; Уложение 1828а; Уложение 1828б], В. С. Новоселовым [Yan 2006: 129–130], явились главным результатом русского монголоведения XVIII в. Выбранная ими тематика в основном затрагивала все современные им важнейшие события, коренным образом влиявшие на жизнь и дальнейшую судьбу монголов. Следует отметить, что особенное внимание ученики духовной миссии уделяли «Уложению Палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзели», 理藩院则例 Lǐfānyuàn zéli) [Даньшин 2016: 154]. С начала XIX в. в монголоведной деятельности членов духовной миссии наблюдались новые тенденции. В XIX в. миссионеры не только продолжали традиции XVIII в., но и открывали новые направления российского монголоведения. Их научные интересы распределились на такие области знания, как древняя история монголов, их духовная жизнь, центром которой являются буддизм, язык и литература. При этом использованные ими источники и литература становились гораздо богаче, и они обращались непосредственно к материалам на монгольском языке. Крупными представителями этого периода стали Иакинф (Н. Я. Бичурин), О. М. Ковалевский, В. П. Васильев и Палладий (П. И. Кафаров). Н. Я. Бичурин, будучи крупным китаеведом России, уделял большое внимание истории монголов. Начало изучения монгольского языка и литературы в России тесно связано с именем О. М. Ковалевского, который заслуженно считается основоположником монголоведного центра в Казани в первой половине XIX в. Его ученик, В. П. Васильев, сфокусировался на изучении буддизма, а затем продолжил славную традицию Казанского университета в Санкт-Петербургском университете. Известный российский китаевед второй половины XIX в. архимандрит Палладий (П. И. Кафаров) также исследовал буддизм, но потом сменил свои научные интересы на историю монголов. Своим переводом с китайского Юань-чао би-ши, который был опубликован под названием «Старинное Монгольское сказание о Чингисхане», он внес исключительный вклад в изучение этого ценнейшего исторического памятника монголов.

2. Материалы и методы

В качестве источников базы данного исследования были систематизированы и проанализированы опубликованные труды по различным темам монголоведения членов Русской духовной миссии в Пекине. Для оценки их научного вклада в историю российского монголоведения также привлекались работы современных ученых.

В данной работе ведущим является описательный метод, который применяется для систематизации научного наследия монголоведов, характеристики их ключевых идей и реконструкции общей картины их вклада в русское монголоведение.

3. Описание жизни монголов

Как известно, территория Монголии составляла главную часть пути Русской духовной миссии в Китай. Члены духовной миссии, проводившие по несколько месяцев в степях среди монголов, тщательно описывали повседневную жизнь монголов в своих дневниках и записках. Авторы этих записок были образованными людьми, и поэтому записанная ими информация, несомненно, гораздо богаче и вернее, чем донесения неграмотных посланников прошедших веков. Степной народ, жизнь которого коренным образом отличается от земледельцев, сильно интересовал русских путешественников. По словам Е. Ф. Тимковского, который совершил путешествие в Китай в 1820 г. как пристав десятой духовной миссии и возвратился в Россию с девятой миссией в 1821 г., основные цели выполненных ими записок заключаются в том, что, во-первых, необходимо было собирать сведения о недостаточно знакомой Европе Средней Азии — как для ученого круга, так и для государственных интересов; во-вторых, описания Монголии, сделанные предшествующими путешественниками, были слишком поверхностными, так как они не обращали должного внимания на местную географию и язык [Тимковский 1824: II–V]. Это показывает, что Монголия была недостаточно известна всей европейской науке. После возвращения в Россию Е. Ф. Тимковский опубликовал свои дорожные записки под названием «Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками», что сразу обратило на себя внимание не только отечественных, но и европейских читателей в связи со своей детальностью и достоверностью. Издавались немецкая, французская и английская версии записок Е. Ф. Тимковского [Timkowski 1825a; Timkowski 1825b; Timkowski 1825b; Timkovsky 1827a; Timkovski 1827b; Timkowski 1827b; Timkowski 1827b].

Записки и дневники содержат весьма обширные и подробные сведения: географические, исторические, политические, религиозные, описание архитектуры, а также менталитета монголов. При этом политическое и экономическое состояния монголов были в центре внимания путешественников. В XIX в. Монголия полностью находилась под властью Цинской династии и политически управлялась через новую административную систему, основанную на политике разделения региона на аймаки и хошуны, во главе которых стояли представители местной аристократии. Административный строй монголов тщательно описывается в дневниках О. М. Ковалевского, который совершил поездку в Китай как письмоводитель одиннадцатой духовной миссии в 1830–1831 гг. Например, проезжая через кочевья цахаров, автор составил подробные записи относительно

административного разделения их на хошуны, состава местных чиновников, а также получаемого ими жалования [Ковалевский 2006: 27]. Так, как пишется в дневниках О. М. Ковалевского, Цахар был разделен всего на восемь хошунов, и к востоку расположены: Кубошара, Гульшара, Куботу Улан, Гульулан. Хошуном управляет Ухэрид-амбань, при котором находятся тамагану-цзангин, сомуну-цзангин, кундуй, бошко и рядовой¹. Ухэрид-амбань получает ежегодно 150 лан², тамагану-цзангин — 105 лан, сомуну-цзангин — 100 лан, кундуй — 60 лан, бошко — 24 лан, рядовой — 12 лан [Ковалевский 2006: 27]. Затем в своих дневниках О. М. Ковалевский привел список штатного расписания князей и размеры получаемого ими ежегодного жалования, что представляет особый интерес сведениями об административном состоянии Монголии того времени [Ковалевский 2006: 47–48].

Политика разделения Монголии на аймаки и хошуны оказала глубокое и в целом негативное влияние на экономическое развитие региона. В течение долгого времени основой экономики Монголии служило кочевое скотоводство, которое сильно зависит от природных условий. Однако согласно проводимой Цинской династией политике монголам было запрещено свободно передвигаться между хошунами для кочевания и торговли, что сильно препятствовало экономическому развитию Монголии. Кроме того, лучшие пастища были отданы в собственность Цинского двора. Тяжелый труд и непосильные налоги обрекали кочевников на крайнюю бедность. Так первом путешественника создана картина, в которой монголы совсем лишены возможности развития, а их пространство жизни — просто «юдоль бедности и пустоты» [Ковалевский 2006: 66].

Вместе с новым политическим строем Цинская династия целенаправленно использовала религиозный фактор как еще один инструмент укрепления своего влияния на монгольские территории. К этому времени буддизм глубоко укоренился в монгольском обществе, фактически монополизировав духовное пространство монголов. Данная тема нашла яркое отражение в путевых записках российских путешественников [Тимковский 1824; Бичурин 1828а; Бичурин 1828б; Ковалевский 2006]. Так, в записках путешественников часто описываются детали буддийской обрядности, общение с ламами, их поведение и наружность; структура и убранство буддийских храмов также становились объектом изучения [Тимковский 1824: 112–122; Ковалевский 2006: 14–15, 24–25]. Все эти сведения оказались совершенно новыми и привлекательными для российских читателей, и существенно обогатили представления российского общества о духовной жизни восточных народов.

4. Сведения по истории монголов

Более или менее системные сведения об истории монголов начали приходить в Россию отрывочно и разбросанно с XVII в. через отчеты послов, отправленных Россией к монгольским народам. Что касается первоначального исследования истории монголов в XVIII в., то нельзя не упомянуть таких членов духовных

¹ Здесь была представлена традиционная военно-административная иерархия Цинской империи в Монголии. Она охватывает уровни от высшего чиновника (амбаня) до рядовых служащих и военных, отвечавших за управление, налоги, документооборот и гарнизонную службу.

² Лан — историческая весовая единица для серебра, использовавшаяся в денежной системе древнего Китая.

миссий в Пекине, как И. К. Рессохин, А. Л. Леонтьев, А. Г. Владыкин и С. В. Липовцов, которые изучали, главным образом, китайские и маньчжурские источники. Следует отметить, что главное их внимание уделено самым влиятельным и важным событиям, которые произошли среди монголов в XVII–XVIII вв., а это именно завоевание Цинской династией Джунгарии, отправление Цинской династией послов к торгутам через территорию России и возвращение торгутов в Центральную Азию. Таким образом, можно сказать, что они исследовали историю монгольских народов в контексте истории империи Цин.

Светский член второй Русской духовной миссии в Пекине И. К. Рессохин обратил внимание на историю монголов еще в период своего пребывания в Пекине. Находясь в Пекине, он приступил к переводу «Юань ши» (истории монгольской династии в Китае) — «половину истории мугальской, когда они владели Китаем и с указы» [Шаститко, Ким 1990: 78]. «Однако он достаточно быстро осознал, что перевод династийных историй для познания истории Китая является работой, хотя и чрезвычайно полезной, но трудновыполнимой из-за непомерного по европейским меркам объема этих историй» [Шаститко, Ким 1990: 78]. После возвращения в Россию И. К. Рессохин выполнил перевод с маньчжурского языка труда, посвященного завоеванию Джунгарии династией Цин. Его перевод не был опубликован, рукопись хранится в Архиве Российской академии наук в так называемых «портфелях Миллера» [Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 1–3] под названием «История о завоевании китайским ханом Кан-хием калкасского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах, переведена с маньчжурского языка на российский прапорщиком И. К. Рессохином, 1750 г.» (кит. 亲征平定朔漠方略¹) [Шастина 1953: 200]. Н. П. Шастина дала высокую оценку переводу И. К. Рессохина, считая, что «И. К. Рессохин² был знатоком китайского и маньчжурского языков, и выполненный им перевод довольно качественный и вполне может быть использован для работы над историей Халхи в конце XVII в.» [Шастина 1953: 202]. Джунгарское ханство, существовавшее около полутора веков и игравшее значительную роль во взаимоотношениях между Цинской империей и Россией, закономерно привлекало внимание ученых из состава Духовной миссии. Спустя 27 лет появился сокращенный русский перевод того же источника с маньчжурского под названием «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами» [Леонтьев 1777]. Переводчиком был участник третьей миссии А. Л. Леонтьев. Следует отметить, что при переводе А. Л. Леонтьев в немалой степени привлекал труд И. К. Рессохина [Шаститко, Ким 1990: 79]. Торгуты, являвшиеся одной из ветвей ойратов, в начале XVII в. мигрировали в район Приуралья и Поволжья. В 1712 г. по приказу императора Канси посланник Тулишэнь посетил кочевавших там торгутов. По возвращении в Китай он составил «Экзотический отчет» (кит. 异域录³ yìyù lù), впоследствии переведенный на несколько европейских языков

¹ Буквально переводится как «Описание высочайших походов по умиротворению северной пустыни». Официальный военный трактат династии Цин, составленный в 1697 г. по приказу императора Канси. Хронологически фиксирует три кампании (1690–1697 гг.) против джунгарского хана Галдана. В тексте сочетаются императорские указы, донесения военачальников и стратегические комментарии. Является ключевым источником по истории войны между Цинской династией и Джунгарией.

² Так у Н. П. Шастиной.

³ Путевой дневник китайского посланника Тулишэня, составленный в 1712–

и вызвавший значительный интерес европейской научной общественности к Китаю [Zhou 1994: 107–108]. И. К. Рoccoхин первым выполнил перевод этого сочинения на русский язык, который опубликован через три года после смерти переводчика в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения и известия о учёных делах» под редакцией академика Г. Ф. Миллера [Россохин 1764]. Необходимо отметить, что до версии И. К. Рoccoхина труд маньчжурского чиновника уже был сокращено переведен на французский язык иезуитом Антуаном Гобилем¹, а затем на немецкий язык Г. Ф. Миллером с французского варианта [Hou 2019: 119]. Перевод на русский был выполнен И. К. Рoccoхином именно по наставлению Г. Ф. Миллера. Причина этого прояснена в предисловии к переводу от июля 1764 г. По мнению Г. Ф. Миллера, во французском переводе и, следовательно, в немецком, существует немало недостатков, так как перевод А. Гобиля был сделан с китайского варианта, в котором собственные имена русские, сибирские, монгольские и калмыцкие были сильно искажены по сравнению с маньчжурским оригиналом. Г. Ф. Миллер высоко оценил эрудицию И. К. Рoccoхина, считая, что он имел все необходимые способности для выполнения данной задачи. Превосходство перевода И. К. Рoccoхина очевидно, он является полным, включает в себя даже предисловие Тулишэня и посольскую инструкцию. Кроме того, по требованию Г. Ф. Миллера И. К. Рoccoхин снабдил текст обширными комментариями [Россохин 1764: 3–6]. Еще один перевод сочинения Тулишэня с маньчжурского принадлежит А. Л. Леонтьеву, он был опубликован в 1782 г. под названием «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану с описанием земель и обычаев российских» [Леонтьев 1782].

И. К. Рoccoхин открыл период переводов в истории отечественного китаеведения [Шаститко, Ким 1990: 77]. Аналогичную роль он сыграл и в становлении русского монголоведения XVIII в. Преемниками научных традиций И. К. Рoccoхина стали А. Г. Владыкин, С. В. Липовцов и В. С. Новоселов. Ученик седьмой духовной миссии А. Г. Владыкин по происхождению калмык. Он в совершенстве овладел маньчжурским языком и оставил ряд трудов, включавших учебные пособия и переводы. Что касается истории монголов, ему принадлежит перевод «Юань ши» (кит. 元史²) с маньчжурского языка под названием «История царства Мунгальского», который сохранился в рукописи, местонахождение ее в настоящее время неизвестно. Согласно мнению С. В. Липовцова, «История царства Мунгальского» не заслуживает внимания, потому что источник был неудачно выбран: его оригинал был переведен с китайского на маньчжурский с помощью беглых китайцев еще до 1644 г. (цит. по: [Скачков 1977: 82]). Но, по мнению П. Е. Скачкова, оценка С. В. Липовцова довольно строга и ехидна, он также добавлял, что со временем перевода А. Г. Владыкиным «Юань ши» до 1715 г. после визита к волжским калмыкам. Содержит первое в китайской литературе систематическое описание географии, обычаев и административного устройства Российской империи. Также является важным источником по истории торгутов.

¹ Антуан Гобиль (Antoine Gaubil, 1689–1759), французский иезуит-миссионер и учёный-ориенталист, работавший в Пекине с 1722 г. до конца жизни, основоположник европейской синологии.

² Официальная хроника Юаньской династии, составленная в 1369–1370 гг. по приказу основателя династии Мин. Состоит из 210 глав, содержит биографии императоров, чиновников, описания административной системы, экономики и войн монгольского периода.

рецензии С. В. Липовцова прошло несколько десятилетий, и за эти годы изучение китайского и маньчжурского языков в России значительно продвинулось вперед [Скачков 1977: 83].

«Уложение Палаты внешних сношений» (кит. 理藩院則例¹) является основным правовым кодексом династии Цин для управления вассальными народами, составленный на основе «Монгольского уложения». В 1828 г. в России вышли два перевода «Уложения Палаты внешних сношений»: сокращенный перевод Н. Я. Бичурина с китайского языка (опубликован как четвертая часть «Записок о Монголии») и полный перевод С. В. Липовцова с маньчжурского варианта [Бичурин 1828а; Бичурин 1828б; Уложение 1828а; Уложение 1828б]. Перевод последнего стал продолжением работы В. С. Новоселова, который вместе с ним также был участником восьмой миссии. После возвращения в Россию в 1808 г. В. С. Новоселов был назначен переводчиком с маньчжурского и китайского языков в Иркутске. Там он начал заниматься переводом «Уложения» с маньчжурского оригинала на русский по предложению сибирского генерала-губернатора М. М. Сперанского. Однако В. С. Новоселову не удалось завершить перевод из-за смерти в 1824 г., он успел перевести лишь 10 тетрадей из 61. Неоконченный перевод В. С. Новоселова вместе с маньчжурским подлинником был отправлен в Азиатский департамент, и продолжателем его дела стал С. В. Липовцов, который служил в Министерстве иностранных дел [Хохлов 2002: 70–73]. Данный перевод служил важным источником информации о законодательстве династии Цин и ее управлении монголами. Следует отметить, что вклад С. В. Липовцова в русское монголоведение не был ограничен только переводом «Уложения Палаты внешних сношений». В 1820 г. в «Сибирском вестнике» был опубликован еще один его перевод важного исторического сочинения — «О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию» (кит. 土尔扈特投诚纪略²), работа также посвящена событию возвращения торгутов в Китай [Липовцов 1820]. В 1821 г. там же было опубликовано его «Обозрение Зюнгарии» [Липовцов 1821а; Липовцов 1821б; Липовцов 1821в]. Именно С. В. Липовцов положил новые начала в российском монголоведении.

Начиная с этого времени русское монголоведение переходит от периода переводческой деятельности к исследованиям, при этом работах ученых начинают преобладать китайские источники, что, несомненно, повышало достоверность и научную ценность трудов, это особенно наглядно проявилось в работах Н. Я. Бичурина. «Являясь, по существу, синологом, Н. Я. Бичурин первым в доколониальный период развития российского востоковедения ввел в научный обиход китайские источники по истории монголов» [Шаститко, Ким 1990: 275].

Н. Я. Бичурину принадлежат четыре фундаментальных труда по истории монголов, которые охватывают и древнюю историю монголов, и их современное

¹ Официальный свод административных и правовых норм Цинской империи, регулировавший отношения с монголами, тибетцами и другими народами. «Уложение» содержит в себе правила наследования, уголовные наказания, дипломатические процедуры и религиозные политики, является важнейшим источником для изучения цинского периода в управлении степными народами.

² Буквально переводится как «Краткое описание принятия подданства торгутами». Работа посвящена откочевке торгутов из Поволжья в Китай в 1771 г. В ней описываются прибытие торгутского хана Убashi в Синьцзян, его переговоры с цинскими властями и последующее расселение народа на новых землях. Текст является важным источником по истории ойратских народов и Цинской политике в Центральной Азии.

исследователю состояние: «Записки о Монголии» [Бичурин 1828а; Бичурин 1828б], «История первых четырех ханов из дома Чингисова» [Бичурин 1829а], «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» [Бичурин 1829б], «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» [Бичурин 1854]. Необходимо отметить, что до Н. Я. Бичурина уровень монголоведных исследований в России оставался невысоким, что ограничивалось собиранием доступных исторических материалов и географических сведений, носивших в большинстве случаев описательный характер, случайными этнографическими наблюдениями и записями монгольских обычаяев и обрядов — уровень, на котором находилось монголоведение в первой четверти XIX в. до появления трудов Н. Я. Бичурина [Шастина 1956: 182]. Таким образом, Н. Я. Бичурин своими исследованиями вывел русское монголоведение на новый уровень и тем самым определил направление дальнейших изысканий.

5. Язык и литература

Интерес к изучению монгольского языка и литературы среди членов духовной миссии был не очень большим, так как они уделяли больше внимания историческим исследованиям. Словари Н. Я. Бичурина и П. И. Каменского представляли определенную ценность, но словарь Н. Я. Бичурина не дошел до нас, а «Монгольско-манджурско-русско-латинский лексикон» П. И. Каменского остается доступным только в архивах [Yan 2006: 178–179; 225]. Значительный вклад в русское монголоведение в области изучения языка и литературы монголов был сделан О. М. Ковалевским — крупнейшим монголоведом России первой половины XIX в. и основоположником казанской школы монголоведения. Он служил как письмоводитель в составе одиннадцатой духовной миссии, совершил поездку в Пекин во время командировки для изучения монгольского языка и собирания рукописей и ксилографов.

Основным вкладом О. М. Ковалевского в русское монголоведение считаются его труды по монгольской филологии. «*Его трехтомный „Монгольско-русско-французский словарь“*, „Краткая грамматика монгольского книжного языка“, двухтомная „Монгольская хрестоматия“ подняли монголоведение на новую ступень развития, ввели эту науку в круг мировой ориенталистики, стали для нее основополагающими» [Кульганек 2004: 177]. Основу научной работы О. М. Ковалевского в изучении монгольского языка и литературы заложила его научная командировка в Восточную Сибирь с 1828 г. до 1833 г. В этот период он также совершил поездку в Пекин в качестве письмоводителя в составе одиннадцатой духовной миссии, как мы указывали выше. Полевые исследования среди монголоязычных народов, непосредственный контакт с носителями языка и научный обмен с коллегами по миссии сыграли важную роль в его изучении монгольского языка и литературы. Он стал первым среди членов духовной миссии, который систематически собирал памятники монгольской литературы и предпринял научное изучение монгольского языка.

Следует отметить, что интерес российских ученых к языкам кочевых народов появился довольно рано, но до появления трудов О. М. Ковалевского научный уровень в этой области еще был не высоким. Пионером стал немецкий востоковед Г. З. Байер, который по приглашению ИАН работал в России двенадцать лет и оставил несколько статей по монгольской и калмыцкой письменности

[Максимова 2002: 195]. Но результаты его исследования в общем имели первоначальный и описательный характер. Первый труд по грамматике монгольского языка принадлежит академику немецкого происхождения Я. И. Шмидту. В 1831 г. вышла его «Грамматика монгольского языка» на немецком [Schmidt 1831], затем в 1832 г. — на русском [Шмидт 1832]. Конечно, «Грамматика» Я. И. Шмидта является значительным явлением для своего времени, но при этом следует отметить, что в ней существует немало ошибок, так как она была создана на ограниченной источниковой базе, а грамматический строй монгольского языка объяснялся через немецкий язык [Шамов 1983: 25]. И. В. Кульганек дала справедливую оценку работе Я. И. Шмидта и одновременно отметила превосходство «Грамматики» О. М. Ковалевского над работой предшественника. «Своим трудом Я. И. Шмидт ввел монгольскую филологию в число академических дисциплин. Нельзя было требовать от первого пособия общей теории языка, разработки вопросов взаимодействия монгольского языка с другими языками, учета развития языка, его генезиса. „Грамматика“ О. М. Ковалевского поставила эти вопросы и, таким образом, указала путь к изучению монгольского языка на новом уровне, а именно к изучению исторической фонетики, исторической морфологии, взаимовлияния языков монгольских и тюркских, связей с персидским, арабским, русским. Кроме того, она ознаменовала появление университетской школы монголоведения в России» [Кульганек 2004: 180–181].

Практически одновременно с трудом О. М. Ковалевского увидела свет «Грамматика монгольского языка»protoиеря Александра Бобровникова, чей сын Алексей Бобровников составил «Грамматику монголо-калмыцкого языка» (1849) [Раднаев 2012: 58–59]. Но труд О. М. Ковалевского отличается научной методикой и богатством содержания, знаменуя переход к качественно новому этапу в изучении монгольского языка.

Основной период научной деятельности О. М. Ковалевского прошел в Казанском университете, уникальное географическое положение которого на рубеже Востока и Запада позволило ему стать в первой половине XIX в. центром востоковедения России. Именно в стенах Казанского университета монголовед завершил двухтомную «Монгольскую хрестоматию», которая имеет высокую научную ценность и используется как учебное пособие и в наши дни.

Подготовка «Монгольской хрестоматии» была начата довольно рано. Она проходила во время путешествия автора по Бурятии, Монголии и Китаю, где он познакомился с богатым литературным наследием монголоязычного народа и накопил обширный материал для будущего издания. «Пребывание О. М. Ковалевского в Восточной Сибири и Забайкалье, его общение с передовыми людьми края — А. В. Игумновым¹, Д. П. Давыдовым², с сибирской администрацией — И. Б. Цейдлером³, А. С. Лавинским⁴, А. Ф. Фроловым⁵, с представителем корен-

¹ Игумнов А. В. (1761–1834) — знаток монгольского языка и быта монголов. Служил переводчиком и чиновником в Иркутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Кяхте. В 1813 г. в Иркутске открыл школу монгольского языка.

² Давыдов Д. П. (1811–1888) — русский этнограф, поэт и учитель, дворянин.

³ Цейдлер И. Б. (1777–1853) — иркутский гражданский губернатор в 1821–1835 гг.

⁴ Лавинский А. С. (1776–1844) — российский государственный деятель начала XIX в., тайный советник, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1822–1833 гг.

⁵ Фролов А. Ф. (1804–1885) — российский военнослужащий, подпоручик Пензенского пехотного полка, мемуарист, декабрист. Член «Общества соединенных

ного населения Р. Ванчиковым, с буддийским духовенством — Ломбоцэрэновым и другими ламами, способствовало формированию уникальной источниковой базы, включавшей рукописи, ксилографы и фольклоры, из коих некоторые не уступают и арабским в силе вымысла и слога своих сочинений» [Валеев и др. 2020: 46]. Во время семимесячного пребывания в столице Цинской династии О. М. Ковалевский также приобрел для университетской библиотеки ценные рукописи и книги. Результатом систематизации собранных материалов стала в том числе и его двухтомная «Монгольская хрестоматия», за которую монголовед получил полную Демидовскую премию. Работа его отличается новизной. «В ней был впервые собран интереснейший материал по истории, культуре, литературе, политике, философии монгольского народа, выводящий учащегося на более высокий уровень знаний» [Кульганек 2004: 188].

Как и «Грамматика», «Монгольская хрестоматия» О. М. Ковалевского получила высокую оценку не только российских, но и западноевропейских востоковедов. Влияние «Монгольской хрестоматии» вышло далеко за рамки ученых кругов России. Французские ориенталисты Е. Бюрнуф и С. Жюльен обратились с просьбой в Казанский университет выслать им труды О. М. Ковалевского и вступить с ним в научную переписку. Немецкий ученый А. Гумбольдт настоятельно просил министра просвещения России С. С. Уварова прислать труды О. М. Ковалевского, особенно «Монгольскую хрестоматию». Составленные О. М. Ковалевским учебные пособия стали основой для изучения монгольского языка для западных ученых [Улымжиев 1994: 37].

Наиболее значительным вкладом О. М. Ковалевского в развитие русского монголоведения стал трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь», который вышел в свет в 1844–1849 гг. [Ковалевский 1844; Ковалевский 1846; Ковалевский 1849]. Подготовка словаря была начата в самом начале пребывания в Сибири. Осознав недостатки прежних словарей, О. М. Ковалевский старался создать словарь живого разговорного монгольского языка, отражающий все сферы жизни монгольского народа. Как отметил сам исследователь во введении к словарю, приоритетными принципами работы являлись полнота и точность [Ковалевский 1844: I]. По словам автора, для осуществления своей цели он тщательно вникал в живой язык монгольских народов, записывал у них пословицы, сказки, песни, легенды, хранящиеся в народной памяти, извлекал слова и выражения при чтении различного содержания книг, при этом он также руководствовался по мере надобности изданными словарями и еще не опубликованными рукописями [Ковалевский 1844: III–IV].

Таким образом, словарь О. М. Ковалевского исчерпал все достоинства своих предшественников, вобрал в себя лучшие достижения современного ему монголоведения и базировался на большом количестве источников и словарей — как европейских, так и восточных [Успенский 2018: 1338]. Созданный О. М. Ковалевским словарь долгое время оставался самым полным по количеству охваченного лексического материала, а до выхода в свет в 1893–1895 гг. «Монгольско-русского словаря» К. Ф. Голстунского являлся наилучшим по качеству выполнения [Улымжиев 1994: 38].

славян». После восстания на Сенатской площади был осужден и отправлен на каторгу в Забайкалье.

6. Буддизм

Научный кругозор О. М. Ковалевского был весьма широким и не ограничивался изучением языка и литературы монголов. Ученый уделял значительное внимание духовной жизни монголов, центральное место в которой занимал буддизм. Он считал, что именно через буддизм возможно постижение настоящего состояния монгольского общества. Следует отметить, что в монголоведных исследованиях О. М. Ковалевского буддология тесно сочеталась с филологическим изучением. В двухтомной «Монгольской хрестоматии» значительное место занимают буддийские тексты, сопровождаемые богатыми комментариями. Можно сказать, это и служило первым этапом для учеников в дальнейшем изучении буддизма. *«Обширность комментариев, объяснение отдельных выражений, оборотов и терминов посредством привлечения примеров из различных буддийских сочинений — отличительная черта данной работы О. М. Ковалевского»* [Ермакова 2004: 215–216]. Кроме того, трехтомный словарь О. М. Ковалевского в значительной степени опирался на многочисленные буддийские источники на монгольском и тибетском языках. Единственным опубликованным трудом в области буддологии стала «Буддийская космология» (1837), которая длительное время оставалась единственным в российской науке систематическим изложением буддийской картины мира [Ковалевский 1837]. Вклад О. М. Ковалевского в изучение духовного мира монголов заключается в том, что он, в полной мере осознав роль буддизма в истории и настоящей жизни кочевого народа, собирая и использовал многочисленные буддийские источники с самого начала своей монголоведной деятельности. При этом он своими коллекциями и трудами заложил научную основу для дальнейшего изучения буддизма в России.

Преемником О. М. Ковалевского в области буддологии стал его ученик В. П. Васильев, который под руководством своего учителя выбрал буддийскую философию как предмет своего научного исследования [Академик-востоковед 2021: 66].

Будучи крупным китаеведом второй половины XIX в., В. П. Васильев начинал свой научный путь именно с изучения буддизма по монгольским источникам, он первым в России получил степень магистра монгольской словесности. Свои кандидатскую диссертацию «Дух буддийского сочинения под заглавием „Хутукту дэгэду Алтан Герелту Судур ногодун Хаган“» и магистерскую диссертацию «Об основаниях философии буддизма» В. П. Васильев посвятил буддизму.

После казанского периода В. П. Васильев продолжил изучение буддизма в Пекине, где он составил «Буддийский терминологический лексикон», который также остался неоконченным и неопубликованным. Десятилетняя жизнь В. П. Васильева в Пекине в составе двенадцатой Русской духовной миссии (1840–1850 гг.) стала важным этапом в формировании его как буддолога. Изучение в Пекине китайского, тибетского, маньчжурского языков и санскрита позволило ему привлечь для исследований более широкий круг буддийских источников. Кроме того, по поручению О. М. Ковалевского он систематически собирая многочисленные буддийские рукописи и тем самым пополнил коллекцию восточных книг библиотеки Казанского университета, что и стало основой для дальнейших буддологических исследований. В 1857 г. вышел в свет первый том его труда «Буддизм, его история, доктрины и литература» [Васильев 1857], а в 1869 г. — третий («История буддизма в Индии, сочинение Даранаты») [Васильев

1869]. Вторым томом должен был стать «Буддийский лексикон», но он не был издан. Данный труд В. П. Васильева стал большим достижением в российской буддологии. Он впервые в отечественной науке предпринял попытку систематического изложения истории развития буддийской мысли. Кроме того, он поставил вопрос о выработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта, о критериях выбора аналогов для перевода категорий буддийского учения на европейские языки, в частности о возможности применения таких понятий, как «спасение», «подвижничество», «святость», «божественное», «грех» и других к буддийским реалиям [Воробьева-Десятovская 2012: 134].

В 1873 г. вышла в свет основная работа В. П. Васильева «Религии Востока: Конфуцианство, Буддизм, Даосизм» [Васильев 1873]. Автор выразил необыкновенно критическое отношение к буддизму, которое сильно отличалось с его мыслей, высказанных в предшествующих работах. По мнению И. П. Минаева, автор писал в своей работе про буддизм с предвзятых позиций отрицания древности и автохтонности происхождения этого учения (цит. по: [Завадская 1974: 106]). Но при резко критической рецензии И. П. Минаев положительно оценил научную ценность книги «Религии Востока: Конфуцианство, Буддизм, Даосизм», считая, что автор впервые изложил тантризм в его полном объеме (цит. по: [Завадская 1974: 107]). Ф. И. Шербатскому представлялось наиболее важным открытием В. П. Васильева в буддологии его внимание к сакральным словам, произнесенным во Втором буддийском соборе Вайшали. С точки зрения О. О. Розенберга, наибольшую ценность в трудах В. П. Васильева представляет, во-первых, расширение круга буддийских источников, который до него долгое время ограничивался палийским каноном, и, во-вторых, разграничение в буддизме собственно религии и философии (цит. по: [Завадская 1974: 107–108]).

К сожалению, большинство трудов В. П. Васильева по буддизму не было опубликовано и осталось в рукописях, что стало большой потерей для буддологии России. Как отмечает Н. П. Шастина, своевременное опубликование «Оснований философии буддизма», основанной на монгольских источниках, было бы немалым открытием российского монголоведения [Шастина 1974: 90]. По словам С. Ф. Ольденбурга, потеря этих трудов невосполнимая, и можно смело сказать, что она задержала изучение буддизма на 30–40 лет [Ольденбург 1900: 68].

7. «Сокровенное сказание монголов» («Монголын нууц товчоо»)

Закономерным результатом изучения истории монголов членами духовной миссии является открытие «Сокровенного сказания монголов», что по праву считается исключительной честью российского монголоведения. Продолжая традицию Н. Я. Бичурина, архимандрит Палладий в своих исследованиях истории монголов обратился к китайским источникам, перевел несколько важных китайских источников на русский язык. В 1866 г. он перевел китайский вариант «Сокровенного сказания монголов» на русский и опубликовал свой перевод под названием «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» в IV томе «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине» [Палладий 1866]. В качестве оригинала послужил сокращенный китайский перевод, изданный в 1848 г. китайским ученым Чжан Му в составе сборника «Лянь юнь и цуншу» (кит. 连筠簃丛书¹). Труд Палладия состоит из четырех частей: предисловия переводчика,

¹ Китайская книжная серия, составленная ученым Чжан Му (кит. 张穆, 1805–

основного текста, примечаний и генеалогической таблицы рода Чингис-хана. Ученый справедливо отметил литературные достоинства памятника, указав, что «*как произведение старинно-монгольское, „Сокровенное сказание“ отличается простотой и наивностью, которые трудно отыскать в творениях китайских бытописателей*» [Палладий 1866: 14]. Значительная часть предисловия была посвящена выявлению сложной истории составления «Сокровенного сказания монголов», истории распространения разных его вариантов и выявлению внутренних связей между ними. Палладий прослеживал время составления «Сокровенного сказания монголов» до периода правления династии Мин, когда для упрощения контактов между империей Мин и Монголией по велению государя чиновники академии Ханьлинь составили китайско-монгольский словарь «Хуа и и юй» (кит. 华夷译语¹), а материалом данного словаря служило «Сокровенное сказание монголов». Исходя из этого, Палладий предположил, что оригинал «Сокровенного сказания монголов» был составлен монгольскими, но не квадратными, а уйгурскими буквами. При составлении словаря минские чиновники отметили условными китайскими иероглифами монгольский текст. Таким образом, Палладий сделал вывод, что «Сокровенное сказание монголов» состоит из трех текстов: монгольского, писанного уйгурскими буквами; тонического, представлявшего только звуки монгольского текста, выраженные условными китайскими знаками; китайского переводного [Палладий 1866: 5–6].

Уникальную научную ценность «Сокровенного сказания монголов» для изучения истории монголов Палладий подчеркнул сравнением его с другими китайскими источниками, главным образом, с самым важным и непосредственным источником об истории монголов — «Юань ши». Палладий воспринимал «Юань ши» со строгой критической точки зрения. По его мнению, несмотря на огромный объем и количество глав, «Юань ши» был составлен сразу после изгнания монголов из Китая, причем менее чем за один год. От такой поспешности и от недостатка и разнородности документов по истории династии Юань эта книга содержит ошибки, пропуски и противоречия; китайские ученые позднейших времен, не имея возможности исправить недостатки ее, ограничивались указанием на них [Палладий 1866: 10]. Таким образом, при наличии в «Юань ши» не всегда достоверной информации его научная ценность была неизбежно снижена. Что касается других источников, таких как «Цинь чженъ лу» (кит. 秦征录), «Эрдэнийин тобчи» Санан-Сэцэна, «Алтан тобчи», ученый отметил, что они все без исключения проникнуты буддийским влиянием и не могут иметь значительного авторитета в отношении древней истории монголов [Палладий 1866: 15].

Перевод Палладия снабжен многочисленными примечаниями, которые огромны по количеству и богаты по содержанию. Всего их насчитывается 660. Примечания охватывают широкий спектр вопросов: исторические события, географические названия, собственные имена и т. д. Для обеспечения научной 1849) и изданная в 1848 г. Включает редкие исторические и филологические труды, среди которых сокращенный китайский перевод «Сокровенного сказания монголов», использованный Палладием (П. И. Кафаровым) для первого русского перевода памятника.

¹ Буквально переводится как «Переводы китайского и языков варваров», использовался как словарь для перевода с китайского на монгольский, тибетский и другие языки во время династий Мин и Цин.

точности Палладий провел сравнительный анализ более пятидесяти источников различного происхождения, в том числе и китайского, и западного. Их можно разделить по жанровой принадлежности на официальные династийные истории, исторические сочинения в жанре «неофициальной истории» и прочие исторические материалы [Chen 2007: 91].

Исследователь Чэн Кайкэ классифицировал примечания Палладия по содержанию на четыре категории: объяснение исторических событий, объяснение слов, объяснение географических названий и объяснение предметов. Среди них примечания к словам занимают первое место по количеству. По мнению ученого, такое предпочтение Палладия объясняется тем, что переводчик воспринимал китайский вариант «Сокровенного сказания монголов» не только как исторический источник, но и как литературное произведение [Chen 2007: 92]. Данный подход находит отражение и в предисловии переводчика, где Палладий анализирует стилистические особенности текста, отмечая, что «слог „Сокровенного сказания“ ниже разговорного слога драматических текстов, повестей и сказок китайских, что и послужило причиной забвения и пренебрежения к этому старинному историческому памятнику» [Палладий 1866: 17–18].

Научное значение труда Палладия получило признание как современников, так и последующих исследователей. И. Н. Березин в предисловии к русскому переводу второй части первого тома «Сборника летописей» Рашид ад-дина отмечал: «при печатании этого перевода я мог воспользоваться, наконец, „Старинным монгольским сказанием о Чингис-хане“, существование которого мне известно ранее и которое появилось в четвертом томе Российской духовной миссии в Пекине, в переводе с китайского архимандрита Палладия, с примечаниями русского переводчика» (цит. по: [Якубовский 1953: 60]). Открытие и перевод Палладием знаменитого, но забытого в течение долгого периода исторического памятника монголов получило высокую оценку И. Н. Березина, который называл «Сокровенное сказание» китайско-монгольской летописью и при работе над переводом «Сборника летописей» Рашид ад-дина неоднократно обращался к переводу Палладия, сверяя по нему генеалогию и факты биографии Чингис-хана. При этом он часто отдавал предпочтение версии «Сокровенного сказания монголов», а не Рашид ад-дина [Яхонтова 1993: 8–9].

По мнению А. Ю. Якубовского, архимандрит Палладий, продолжая традиции Н. Я. Бичурина, дал образец научной работы, ценность которой сохраняется и в наши дни. Труд Палладия не потерял своей научной ценности даже после выхода в свет в 1941 г. перевода С. А. Козина непосредственно с монгольского текста. Он в дальнейшем добавил, что перевод Палладия сыграл в развитии монголоведения, а также в изучении историографии монголов исключительную роль. В течение 80 лет перевод Палладия питал и питает историков первоклассным и фактическим, собственно монгольским материалом, который наряду со «Сборником летописей» Рашид ад-дина и другими китайскими источниками дает полную возможность всесторонне осветить обстановку образования монгольской империи [Якубовский 1953: 60–61].

Заслуги Палладия в изучении «Сокровенного сказания монголов» не ограничиваются переводческой деятельностью. В 1872 г. Палладий приобрел рукопись монгольского текста «Сокровенного сказания монголов» в пятнадцати главах,

восходящую к знаменитой энциклопедии «Юнлэ да дянь» (кит. 永乐大典¹). Данная рукопись была переписана в 1804 г., ее последним обладателем был китайский чиновник и библиофил Хань Тайхуа. После приобретения рукописи Палладий сразу приступил к транскрибированию русскими буквами монгольского текста, который был отмечен китайскими иероглифами, а также осуществил подстрочный китайский перевод на русский. В 1878 г. Палладий передал рукопись «Сокровенного сказания монголов» и свою транскрипцию монголоведу А. М. Позднееву, который находился в Пекине. В этом же году Палладий скончался в Марселе по пути в Россию. А. М. Позднеев вернулся в Россию и в 1880 г. передал рукопись «Сокровенного сказания монголов» в библиотеку Санкт-Петербургского университета. С этого времени она хранится там под шифром Xyl. 1264 (Коллекция Позднеева, № 152) [НБ ВФ. Ф. 152. Ед. хр. Xyl. 1264. Коллекция А. М. Позднеева]. Архимандрит Палладий сыграл исключительную роль в области изучения «Сокровенного сказания монголов». Его научные труды ценят не только русские, но и европейские исследователи последующих поколений. В 1933 г. французский востоковед Поль Пеллио подарил Пекинской государственной библиотеке копию университетской рукописи «Сокровенного сказания монголов», сделанную при его посещении Ленинграда по дороге в Китай. В 1962 г. было опубликовано факсимиле текста университетской рукописи «Сокровенного сказания» с предисловием Б. И. Панкратова [Яхонтова 1993: 21].

8. Заключение

Монголоведные исследования членов Русской духовной миссии в Пекине внесли значительный вклад в становление и развитие русского монголоведения, существенно расширили его научное поле, стали основой для будущих исследований. Через их многогранную научную деятельность, затрагивающую такие различные аспекты монголоведения, как история, язык, литература, религия, осуществлялось не просто расширение источников базы для будущего развития данной науки, но и формирование в ученом кругу России целостного научного представления о монгольском мире как о самобытной и сложной цивилизации.

Непосредственные полевые наблюдения на территории расселения монголов обеспечили подробность и достоверность собранных ими сведений. Длительное пребывание в столице Цинской династии предоставило им уникальную возможность собирать и изучать источники не только на монгольском, но и на китайском и маньчжурском языках, именно в этом и заключается самая яркая особенность монголоведных исследований членов духовной миссии. Привлекаемые ими источники включали ключевые исторические памятники монгольского народа, в том числе знаменитое «Сокровенное сказание монголов», редкие буддийские рукописи и ксилографы, памятники фольклора, а также Цинское законодательство для монголов. Таким образом, монгольская тема изучалась ими не только через призму историко-культурного наследия монголов, но и в широком контексте международных отношений того времени.

¹ Буквально переводится как «Великий свод эры Юнлэ». Это крупнейшая в истории китайская энциклопедия, составленная в 1403–1408 гг. по приказу императора Чжу Ди. Она включает около 11 000 томов, объединяя труды по философии, истории, астрономии, медицине и литературе.

Такие представители Русской духовной миссии в Пекине, как И. К. Рессохин, Н. Я. Бичурин, О. М. Ковалевский, В. П. Васильев и П. И. Кафаров своими исследованиями вывели русское монголоведение на мировой уровень. Научная ценность их трудов сохраняет актуальность и в наши дни.

Источники

Архив РАН — Архив Российской академии наук.

НБ ВФ — Научная библиотека им. М. Горького Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

Академик-востоковед 2021 — Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / отв. ред.: Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2021. 320 с.

Бантыш-Каменский 1882 — *Бантыши-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российской и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год: сост. по документам, хранящимся в моск. арх. Гос. коллегии иностр. дел, в 1792–1803 г. Николаем Бантыш-Каменским / изд. в память истекшего 300-летия Сибири В. Ф. Флоринским, с прибавл. издателя. Казань: Тип. имп. ун-та, 1882. 565 с.*

Бичурин 1828а — *Бичурин Н. Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом: С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. I. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828. 230 с.*

Бичурин 1828б — *Бичурин Н. Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом: С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. II. СПб.: Тип. К. Крайя, 1828. 339 с.*

Бичурин 1829а — *Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. 440 с.*

Sources

Archive of the Russian Academy of Sciences.

M. Gorky Scientific Library of the Department of Oriental Studies, St. Petersburg State University.

References

Academician-Orientalist Vasiliev V. P. Kazan – Beijing – St. Petersburg (Essays and Materials). R. Valeev, I. Kulganek (eds.). St. Petersburg; Kazan: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2021. 320 p. (In Russ.)

Bantysh-Kamensky N. N. A Diplomatic Collection of Affairs between the Russian and Chinese States from 1619 to 1792.N. Bantysh-Kamensky (comp. from documents held in the Moscow Archive of the State Collegium of Foreign Affairs, 1792–1803). V. Florinsky (publ.) in Commemoration of the 300th Anniversary of Siberia, with Additions by the Publisher. Kazan: Imp. University, 1882. 565 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia, by Monk Iakinf (comp.): with a Map of Mongolia and Various Costumes. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1828. 230 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia, Monk Iakinf (comp.): with a Map of Mongolia and Various Costumes. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1828. 339 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. History of the First Four Khans of the Genghisid Dynasty. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1829. 440 p. (In Russ.)

- Бичурин 1829б — *Бичурин Н. Я.* Описание Джуныгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. 270 с.
- Бичурин 1854 — Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. департ. М-ва внутренних дел, 1854. 253 с.
- Валеев и др. 2020 — *Валеев Р. М., Жуков В. Ю., Кульганек И. В., Мартынов Д. Е., Полянская О. Н.* Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов). СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020. 440 с.
- Васильев 1857 — *Васильев В. П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. I. Общее обозрение. СПб.: Тип. Акад. наук, 1857. 353 с.
- Васильев 1869 — Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. III. История буддизма в Индии, сочинение Даранаты. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. 286 с.
- Васильев 1873 — Васильев В. П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1873. 183 с.
- Воробьева-Десятovская 2012 — *Воробьева-Десятovская М. И.* Академик В. П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. № 1(16). С. 132–137.
- Данышин 2016 — *Данышин А. В.* Вклад Российской духовной миссии в исследование права Китая // *Lex Russica*. 2016. № 8(117). С. 152–167.
- Ермакова 2004 — *Ермакова Т. В.* О. М. Ковалевский как религиовед-буддолог // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие / науч. ред. Р. М. Валеев, отв. ред. И. В. Кульганек. Казань: Алма-Лит, 2004. С. 209–231.
- Bichurin, N. Ya. Description of Dzungaria and Eastern Turkestan in Ancient and Modern Times. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1829. 270 p. (In Russ.)
- Bichurin, N. Ya. Historical Survey of the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present Day. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Medical Dep.), 1854. 253 p. (In Russ.)
- Valeev R. M., Zhukov V. Yu., Kulganek I. V., Martynov D. E., Polianskaia O. N. Biography and Scientific Heritage of the Orientalist O. M. Kovalevsky (Based on Archival and Manuscript Collections). St. Petersburg; Kazan: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2020. 440 p. (In Russ.)
- Vasiliev V. P. Buddhism: its Dogmas, History and Literature. Pt. I. St. Petersburg: Tip. Akad. Nauk, 1857. General Survey. 353 p. (In Russ.)
- Vasiliev V. P. Buddhism: Its Dogmas, History and Literature. Pt. 3. History of Buddhism in India, Dāraṇī Texts. St. Petersburg: Tip. Akad. Nauk, 1869. 286 p. (In Russ.)
- Vasiliev V. P. Religions of the East: Confucianism, Buddhism and Taoism. St. Petersburg: V. S. Balashev, 1873. 183 p. (In Russ.)
- Vorobyeva-Desyatovskaya M. I. Academician V. P. Vasiliev on the History of Buddhist Philosophy (Texts in Tibetan and Chinese). *Written Monuments of the Orient*. 2012. No. 1(16). Pp. 132–137. (In Russ.)
- Danyshin A. V. The Contribution of the Russian Ecclesiastical Mission to the Study of Chinese Law. *Lex Russica*. 2016. No. 8(117). Pp. 152–167. (In Russ.)
- Yermakova T. V. O. M. Kovalevsky as a Scholar of Religion and Buddhologist. In: The Mongolist O. M. Kovalevsky: Biography and Legacy. R. Valeev, I. Kulganek (eds.). Kazan: Alma-Lit, 2004. Pp. 209–231. (In Russ.)

- Завадская 1974 — Завадская Е. В. В. П. Васильев — родоначальник буддологии в России // История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева) / отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 104–109.
- Ковалевский 1837 — Ковалевский О. М. Буддийская космология. Казань: Университетская типография, 1837. 167 с.
- Ковалевский 1844 — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь Т. I. Казань: Университетская типография, 1844. 594 с.
- Ковалевский 1846 — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. II. Казань: Университетская типография, 1846. 951 с.
- Ковалевский 1849 — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. III. Казань: Университетская типография, 1849. 1145 с.
- Ковалевский 2006 — Ковалевский О. М. Россия – Монголия – Китай: дневники монголоведа О. М. Ковалевского, 1830–1831 гг. / подг. к изд., предисл., глоссарий, comment. и указатели: Р. М. Валеев, И. В. Кульганек; отв. ред. А. Д. Цендина. Казань, СПб.: Таглимат, 2006. 104 с.
- Кульганек 2004 — Кульганек И. В. Труды и учебные пособия О. М. Ковалевского по монгольской филологии // Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие / науч. ред. Р. М. Валеев, отв. ред. И. В. Кульганек. Казань: Алма-Лит, 2004. С. 177–208.
- Леонтьев 1777 — Леонтьев А. Л. Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами. СПб.: Имп. Академия наук, 1777. 103. с.
- Леонтьев 1782 — Леонтьев А. Л. Путешествие китайского посланника к Калмыцкому Аюке-хану, с описанием земель и обычаяев российских. СПб.: Имп. академия наук, 1782. 167 с.
- Zavadskaya E. V. V. P. Vasiliev as the Founder of Buddhology in Russia. In: History and Culture of China (Collection in Memory of Academician V. P. Vasiliev). L. Vasiliev (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1974. Pp. 104–109. (In Russ.)
- Kovalevsky O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary Vol. 1. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1844. 594 p. (In Russ.)
- Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 2. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1846. 951 p. (In Russ.)
- Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 3. Kazan: Universitetskaya Tipografiya, 1849. 1145 p. (In Russ.)
- Kovalevsky O. M. Russia – Mongolia – China: Diaries of the Mongolist O. M. Kovalevsky, 1830–1831. R. Valeev, I. Kulganek, A. Tsendlina (eds.). Kazan; St. Petersburg: Taglimat, 2006. 104 p. (In Russ.)
- Kulganek I. V. The Works and Textbooks of O. M. Kovalevsky on Mongolian Philology. In: The Mongolist O. M. Kovalevsky: Biography and Legacy. R. Valeev, I. Kulganek (eds.). Kazan: Alma-Lit, 2004. Pp. 177–208. (In Russ.)
- Leontiev A. L. Notice Regarding the Former War between the Chinese and the Zung-hars from 1677 to 1689. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1777. 103 p. (In Russ.)
- Leontiev A. L. Journey of the Chinese Envoy to the Kalmyk Ayuka Khan, with a Description of Russian Lands and Customs. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1782. 167 p. (In Russ.)

- Липовцов 1820 — *Липовцов С. В.* О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XII. СПб.: Морская тип., 1820. С. 167–226.
- Липовцов 1821а — *Липовцов С. В.* Обозрение Зюнгари // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XIII. СПб.: Морская тип., 1821. С. 89–110, 133–148.
- Липовцов 1821б — *Липовцов С. В.* Обозрение Зюнгари // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XIV. СПб.: Морская тип., 1821. С. 193–208.
- Липовцов 1821в — *Липовцов С. В.* Обозрение Зюнгари // Сибирский вестник / изд. Г. Спасским. Ч. XVI. СПб.: Морская тип., 1821. С. 360–383.
- Максимова 2002 — *Максимова М. И.* Г. Байер (1694–1738) и русское калмыковедение // Монголоведение. 2002. № 1. С. 195–197.
- Новгородская 1993 — *Новгородская Н. Ю.* Роль и место Российской Духовной Миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII–XVIII в) // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 9–16.
- Ольденбург 1900 — *Ольденбург С. Ф.* Василий Павлович Васильев как исследователь буддизма // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. CCCXXX. Июль. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К., 1900. С. 65–70.
- Палладий 1866 — *Палладий (Кафаров П. И.)* Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1866. С. 3–258.
- Раднаев 2012 — *Раднаев В. Э.* Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.
- Lipovtsov S. V. On the Migration of the Turguts to Russia and Their Subsequent Return from Russia to Zungaria. In: Siberian Bulletin. G. Spassky (publ.). St. Petersburg: Morskaya Tip. 1820. No. 2. Pp. 167–226. (In Russ.)
- Lipovtsov S. V. A Survey of Zungaria. *Sibirskij Vestnik*. G. Spassky (publ.). No. 13. St. Petersburg: Morskaya Tip. 1821. Pp. 89–110. Pp. 133–148. (In Russ.)
- Lipovtsov S. V. A Survey of Zungaria. *Sibirskij Vestnik*. G. Spassky (publ.). No. 14. St. Petersburg: Morskaya Tip. 1821. Pp. 193–208. (In Russ.)
- Lipovtsov S. V. A Survey of Zungaria. *Sibirskij Vestnik*. G. Spassky (publ.). No. 16. St. Petersburg: Morskaya Tip. 1821. Pp. 360–383. (In Russ.)
- Maksimova M. I. G. Bayer (1694–1738) and Russian Kalmyk Studies. *Mongolian Studies*. 2002. Is. 1. Pp. 195–197. (In Russ.)
- Novgorodskaya N. Yu. The Role and Place of the Russian Spiritual Mission in Beijing in the History of Sino-Russian Relations (late 17th–18th Centuries). In: Orthodoxy in the Far East: The 275th Anniversary of the Russian Spiritual Mission in China. St. Petersburg: Andreev and Sons, 1993. Pp. 9–16. (In Russ.)
- Oldenburg S. F. Vasily Pavlovich Vasiliev as a Researcher of Buddhism. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. Sed'moe Desyatiletie*. Part 330. July. St. Petersburg: V. S. Balashev and Co., 1900. Pp. 65–70. (In Russ.)
- Palladius (Kafarov P. I.). An Ancient Mongolian Tale of Genghis Khan. In: Works of the Members of the Russian Spiritual Mission in Peking. Vol. 4. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1866. Pp. 3–258. (In Russ.)
- Radnaev V. E. Mongolian Linguistics in Russia in the First Half of the 19th Century: Problems of Legacy. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 392 p. (In Russ.)

- Россохин 1764 — *Россохин И. К.* Китайское путешествие, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Т. 20. Июль. С. 3–49.
- Скачков 1977 — *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.
- Тимковский 1824 — *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками. Ч. 1: Переезд до Пекина. СПб.: Тип. Мед. деп-та Мин-ва внутренних дел, 1824. 388 с.
- Уложение 1828а — Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчур. Степан Липовцов. Т. I. СПб.: Тип. Деп. народ. просвещ., 1828. 28 с.
- Уложение 1828б — Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчур. Степан Липовцов. Т. II. СПб.: Тип. Деп. народ. просвещ., 1828. 319 с.
- Улымжиев 1994 — *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ: Бурятск. пед. ин-т, 1994. 106 с.
- Успенский 2018 — *Успенский В. Л.* Источники «Монгольско-русско-французского словаря» О. М. Ковалевского // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1334–1340.
- Хохлов 2002 — *Хохлов А. Н.* Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньюань Цзэ-ли» // История и культура Востока Азии: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Т. 1 / отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: Институт археологии и этнографии, 2002. С. 70–73.
- Rossokhin I. K. Chinese Journey Undertaken by Chinese Envoys to Russia, who were with the Kalmyk Khan Ayuka on the Volga in 1714. In: Monthly Writings and Scholarly News. 1764. Vol. 20. July. Pp. 3–49. (In Russ.)
- Skachkov P. E. Essays on the History of Russian Sinology. Moscow: Nauka, 1977. 505 p. (In Russ.)
- Timkovsky E. F. Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821: with a Map, Plans, and Illustrations. Part 1: the Passage to Beijing. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Medical Dep.), 1824. 388 p. (In Russ.)
- The Code of the Chinese Chamber for External Relations. S. Lipovtsov (transl.). Vol. 1. St. Petersburg: Department of Public Enlightenment, 1828. 28 p. 3 (In Russ.)
- The Code of the Chinese Chamber for External Relations. S. Lipovtsov (transl.). Vol. 2. St. Petersburg: Department of Public Enlightenment, 1828. 319 p. (In Russ.)
- Ulymzhiev D. B. Pages of National Mongol Studies. The Kazan School of Mongolists. Ulan-Ude: Buryat Pedagogical Institute, 1994. 106 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Sources of O. M. Kovalevsky's "Mongolian-Russian-French Dictionary". Ucheny'e Zapiski Kazanskogo Universiteta. 2018. Vol. 160. No. 6. Pp. 1334–1340. (In Russ.)
- Khokhlov A. N. Mongolist Vasily Novoselov and His Translation of the "Lifanyuan Zeli". In: History and Culture of East Asia: Proceedings of the International Scientific Conference (Novosibirsk, December 9–11, 2002). Vol. 1. S. Alkin (ed.). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, 2002. Pp. 70–73. (In Russ.)

- Шамов 1983 — Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Казанск. ун-т, 1983. 112 с.
- Шастина 1953 — Шастина Н. П. Перевод И. Рассохина источника по истории монголов конца XVII в. // Ученые записки Института востоковедения. Т. I. М.: Вост. лит., 1953. С. 200–211.
- Шастина 1956 — Шастина Н. П. Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2 / отв. ред.: В. И. Авдиеv и Н. П. Шастина. М.: АН СССР, 1956. С. 181–198.
- Шастина 1974 — Шастина Н. П. Монголоведение в трудах В. П. Васильева // История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева) / отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 86–103.
- Шастицко, Ким 1990 — История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред.: П. М. Шастицко, Г. Ф. Ким. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 435 с.
- Шмидт 1832 — Шмидт Я. И. Грамматика монгольского языка. СПб.: Имп. Академия наук, 1832. 184 с.
- Якубовский 1953 — Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. I / отв. ред. В. И. Авдиеv, Н. П. Шастина. М.: АН СССР, 1953. С. 31–95.
- Яхонтова 1993 — Яхонтова Н. С. История изучения «Юань чао би ши» в России и СССР // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, Вост. лит., 1993. С. 7–39.
- Chen 2007 — Chen kai ke. ba la di de han xue yan jiu (= Китаеведение Палладия). Beijing: Xue yuan chu ban she, 2007. 300 с.
- Shamov G. F. Professor O. M. Kovalevsky: Essay of his Life and Scientific Work. Kazan: Kazan University, 1983. 112 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. I. Rassokhin's Translation of a Source on the History of the Mongols of the Late 17th Century. In: Scholarly Notes of the Institute of Oriental Studies. Vol. 6. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1953. Pp. 200–211. (In Russ.)
- Shastina N. P. The Significance of N. Ya. Bichurin's Works for Russian Mongol Studies. In: Essays on the History of Russian Oriental Studies. Collection 2. V. Avdiev, N. Shastina (eds.). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. Pp. 181–198. (In Russ.)
- Shastina N. P. Mongol Studies in the Works of V. P. Vasiliev. In: History and Culture of China. Collection in Memory of Academician V. P. Vasiliev. L. Vasiliev (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1974. Pp. 86–103. (In Russ.)
- Shastitko P. M., Kim G. F. (eds). History of National Oriental Studies until the Mid-19th Century. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 435 p. (In Russ.)
- Schmidt Ya. I. Mongolian Grammar. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1832. 184 p. (In Russ.)
- Yakubovsky A. Yu. From the History of the Study of the Mongols of the 11th–13th Centuries. In: Essays on the History of Russian Oriental Studies: Collection 1. I. Avdiev, N. Shastina (eds.). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Pp. 31–95. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. History of the Study of the Yuan Chao Bi Shi in Russia and the USSR. In: Mongolica: to the 750th Anniversary of the “Secret History of the Mongols”. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1993. Pp. 7–39. (In Russ.)
- Palladius's Chinese Studies. Beijing: Xue Yuan Chu Ban She, 2007. 300 p. (In Chin.)

- Hou 2019 — *Hou yi. tu li chen «yi yu lu» zai xi fang shi jie de chuan bo* (= Постранение «Экзотического отчета» Тулишэнья на западе) // *shi yuan za tan*. 2019. № 2. С. 117–121.
- Sha si ti na 1955 — *Sha si ti na N. P. su lian de meng gu xue fa zhan shi gai yao* (= История изучения Монгольской народной республики) / *Yu yuan an* (trans.). Beijing: Ke xue chu ban she, 1955. 54 c.
- Schmidt 1831 — *Schmidt I. J. Grammatik der Mongolischen Sprache*. St. Petersburg: Die Kai-serliche Akademie der Wissenschaften. 179 s.
- Timkowski 1825a — *Timkowski J. F. Reise nach China durch die Mongolei in den Jahren 1820 und 1821 / Aus dem Russischen übersetzt von A. E. Schmidt*. Band 1. Leipzig: G. Fleischer, 1825. 360 s.
- Timkowski 1825b — *Timkowski J. F. Reise nach China durch die Mongolei in den Jahren 1820 und 1821 / Aus dem Russischen übersetzt von A. E. Schmidt*. Band 2. Leipzig: G. Fleischer, 1825. 368 S.
- Timkowski 1825b — *Timkowski J. F. Reise nach China durch die Mongolei in den Jahren 1820 und 1821 / Aus dem Russischen übersetzt von A. E. Schmidt*. Band 3. Leipzig: G. Fleischer, 1825. 442 s.
- Timkovsky 1827a — *Timkovsky E. F. Travels of the Russian mission through Mongolia to China and residence in Peking, in the years 1820–1821: illustrated by maps, plates, with corrections and notes by Julius von Klaproth*. Vol. I. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 468 p.
- Timkovsky 1827b — *Timkovsky E. F. Travels of the Russian mission through Mongolia to China and residence in Peking, in the years 1820–1821: illustrated by maps, plates, with corrections and notes by Julius von Klaproth*. Vol. II. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 496 p.
- The Dissemination of Tulisen's “Record of the Alien Lands” in the Western World. *shi yuan za tan*. 2019. No. 2. Pp. 117–121. (In Chin.)
- Shastina N. P. *History of the Study of the Mongolian People's Republic*. Beijing: Ke Xue Chu Ban She, 1955. 54 p. (In Chin.)
- Schmidt Ya. I. *Mongolian Grammar*. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1831. 179 p. (In Germ.)
- Timkovsky E. F. *Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821*. Vol. 1. Leipzig: G. Fleischer, 1824. 360 p. (In Germ.)
- Timkovsky E. F. *Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821*. Vol. 2. Leipzig: G. Fleischer, 1824. 368 p. (In Germ.)
- Timkovsky E. F. *Journey to China through Mongolia in 1820 and 1821*. Vol. 3. Leipzig: G. Fleischer, 1824. 442 p. (In Germ.)
- Timkovsky E. F. *Travels of the Russian Mission through Mongolia to China and Residence in Peking, in the Years 1820–1821. Julius von Klaproth (Illustrated by Maps, Plates, with Corrections and Notes)*. Vol. 1. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 468 p. (In Eng.)
- Timkovsky E. F. *Travels of the Russian Mission through Mongolia to China and Residence in Peking, in the Years 1820–1821. Julius von Klaproth (Illustrated by Maps, Plates, with Corrections and Notes)*. Vol. 2. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. 496 p. (In Eng.)

- Timkovski 1827в — *Timkovsky E. F. Voyage à Peking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821. Vol. 1.* Paris: Librairie orientale de Dondéy-Dupré père et fils, 1827. 480 p.
- Timkovski 1827г — *Timkovsky E. F. Voyage à Peking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821. Vol. 2.* Paris: Librairie orientale de Dondéy-Dupré père et fils, 1827. 460 p.
- Yan 2006 — *Yan guo dong. e guo han xue shi: qi yu 1917 nian* (= История русского китаеведения: до 1917 г.). Beijing: Ren min chu ban she, 2006. 731 c.
- Zhou 1994 — *Zhou zuo shao, tu li chen he «yi yu lu»* (= Тулишэнь и «Экзотический отчет») // *dong yue lun cong.* 1994. № 5. С. 106–109.
- Timkovsky E. F. Journey to Peking through Mongolia in the 1820 and 1821. Vol. 1. Paris: Oriental Bookstore of Dondéy-Dupré Father and Son, 1827. 480 p. (In French)
- Timkovsky E. F. Journey to Peking through Mongolia in the 1820 and 1821. Vol. 2. Paris: Oriental Bookstore of Dondéy-Dupré Father and Son, 1827. 460 p. (In French)
- A History of Russian Sinology: up to 1917. Beijing: Ren Min Chu Ban She, 2006. 731 p. (In Chin.)
- Zhou Zuo Shao. tu li chen he «yi yu lu» (Tulisen and “Record of the Alien Lands”). *Dong Yue Lun Cong.* 1994. No. 5. Pp. 106–109. (In Chin.)